

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

АРМЯНСКИЕ КОДЫ В ПОЭЗИИ В. В. МАЯКОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

Г. Т. ГАРИПОВА

 ORCID 0000-0002-7675-2570

Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, г. Москва

В статье анализируются ключевые концепты образа «потерянный рай» в творчестве В. Маяковского, соотносимые с армянскими кодами. Автор исследует библейскую составляющую поэтического «хрустального потерянного рая» Маяковского в контексте русской литературы XX века, референциально фиксирующей те же самые экзистенциальные коды памяти, которые встраиваются в общую мифопоэтическую картину. На материале произведений О. Мандельштама, А. Битова, Сухбата Афлатуни прослеживаются «хрустальные» и «глиняные» коннотации образа «потерянный рай», конгениальные концепции Маяковского и составляющие основу армянской традиции как библейской. Именно поэтому хронотопическое пространство мира поэт маркирует библейскими локусами. Подчеркивается, что для поэзии Маяковского характерно понимание Армении не как онтологического, но как экзистенциального пространства «внутренней Армении» – своей, но не чужой. Особый акцент делается на анализе смысловых составляющих мифологема «гора Арарат», концептуально связанных с концептами Ноева ковчега.

Ключевые слова: библейский народ, внутренняя Армения, Арарат, потерянный рай, ковчег, хрусталик Араратика, армянский текст, метаконцепт Слово, В. Маяковский, О. Мандельштам, А. Битов, Сухбат Афлатуни.

«Армяне называют себя библейским народом, – пишет Ваграм Мартиросян. – Это звучит восхитительно. Настолько восхитительно, что нам не хочется переноситься в новые времена. Видимо, поэтому мы больше говорим о прошлом, чем о настоящем и будущем. Александр Дюма, посетивший Кавказ полтора века назад, отмечал, что для армян ветхозаветный Абрам скончался вчера, а Яков все еще жив» [5: 110].

Понимание Армении не как онтологического, но как экзистенциального пространства характерно для поэзии В. Маяковского. Он уловил образ и «внутренней Армении» – тот, что естественен, открыт для *своих*, но скрыт для *чужих*. В этом межпространстве *своих* и *чужих* Армения Маяковского становится образом-медиатором между национальным миром и русской литературой XX века.

Любовь к Армении Маяковского, поэта грядущего мира, будущего нового человека, наверное, и объясняется пониманием этой особой укорененности армянского человека, народа, страны. Поэт в своих футуристических устремлениях находит в Армении тот самый «потерянный рай» культуры, который дает ощущение сохранности сакральных смыслов и первооснов мира человеку. И это не случайно.

В армянском Ванadzоре (тогда это был Каракилис) познакомились и поженились родители Маяковского. Более того, отец поэта, родившийся в Ахлцихе и выросший в армянской среде, не только говорил на этом языке, но и пел народные песни. Детский «потерянный рай» Маяковского зафиксирован в звуках армянского языка. По мнению А. Битова, *особого* языка, звучащего на уровне не фонетическом и семантическом, а образном. Одним из культурных кодов армянского «потерянного рая» для Маяковского становится гора Арарат. В пьесе «Мистерия-буфф» именно к ней стремятся герои, осознающие ее как символ земли обетованной:

Перебьемся как-нибудь, доползем до Арарата [6: II, 189].

И никто никогда не доползет до Арарата [6: II, 200].

Теперь об одном осталось ратовать, чтоб сила не иссякла до места Араратова [6: II, 206].

Антихрист речь повёл нам об Арарате и рае [6: II, 208].

Поэт обозначает хронотопическое пространство мира библейскими локусами: I. Вся вселенная. II. Ковчег. III. 1-я картина: Ад. 2-я картина: Рай. 3-я картина: Земля обетованная [6: II, 168]. Подчеркивает при этом их гносеологическую соотнесенность с «мировыми книгами», в которых не только сокрыта архетипическая мудрость мира, но и спасительная провиденция будущего:

*Нам написали Евангелие,
Коран,*

*«Потерянный и возвращенный рай»,
и ещё,
и ещё –
многое множество книжек [б: II, 169].*

Но именно Арарат обозначен как единственно возможное место спасения. Очень важно, что гора является главным национальным священным символом армянского народа, изображена она рядом с Ноевым ковчегом на гербе Армении, но находится за ее пределами в современный период. По мнению европейцев, Ноев ковчег должен был пристать именно к горе Арарат. Не случайно для Маяковского эйдетически Арарат сопоставим с образом мифической библейской горы, которая семиотически соотносится с мифологемой «место всех начал», и семантически коррелирует с символикой горы Синай (*иврит*: סִינַי, *Хар Синай*), на которой Моисей, согласно Книге Исход в еврейской Библии или Танах, получает от Господа десять заповедей. Интересно, что гора Синах (в книге Второзакония именуемой как гора Хорив) и есть самое главное священное место не только в иудаизме, но и в христианстве и исламе. Не эта ли гора Синай и обозначена как Арарат в пьесе Маяковского. Тогда возможны дополнительные смысловые значения: Арарат символизирует не только личный «потерянный рай», к возвращению которого стремится поэт, но и те самые «места действия» (*ковчег, земля обетованная и рай*), с которых начинается история осмысленного мира и нового человеческого рода, получившего заповеди:

*Слушайте!
Новая
нагорная
проповедь!
Араратов ждете?
Араратов нету.
Никаких.
Приснились во сне.
А если
гора не идёт к Магомету,
то и чёрт с ней!*

*Не о рае Христовом ору я вам,
где постнички лижут чай без сахару.
Я о настоящих
земных небесах ору [б: I, 211].*

Использование Маяковским «хрустальных» коннотаций в характеристике Арарата («хрусталик Араратика») в поэме «Пятый Интернационал» усиливает мифосемантику горы не просто как мирового священного места для трех авраамических религий, но и как места сотворения мира. Вполне вероятно референциальное соотношение хрустального Арарата и каббалистических откровений о кристаллах как о божественных камнях, связанных с возникновением и устройством мира, о сакральной сущности Бога, об Израиле как земной модели божественной иерархии – «оттуда пастырь, камень Израиля»: «Имя Яков можно разделить на две части: буква “юд” – камень, на котором строится будущий мир, и слово “пята” – уязвимое мягкое место» [7].

Маяковский использует не просто кристаллические коннотации Арарата в «Пятом Интернационале», а акцентирует антропософскую оптику «гора, смотрящая в небо» – «хрусталик Араратика». Случайно ли это? Одно из очевидных значений «богоподобность» армян – народа, приближенного к божественному откровению, к небу. Но, на наш взгляд, очевидны и каббалистические референции. Опираясь на тексты Каббалы, толкователь А. Саверский считает, что «в первую очередь в Каббале довольно отчетливо **описание хрустального черепа** – главной Белой головы – одного из прототипов, кстати, Ветхого денми, т. е. старого Иисуса, Бога, изображаемого с белыми волосами и бородой, и в то же время очень похожего на известные сегодня хрустальные черепа Майя. <...> ... “твердь небесная”, по преданию иудеев, равно как и персов, была из горного хрусталя. Также очевидно описание технологии, связанной с хрустальным черепом и другими камнями. <...> Сложная и не очень понятная технология: с одной стороны, налицо описание системы мира, основанной на хрустальной тверди. И какую интересную роль здесь играет ковчег – это несветящееся отражающее зеркало» [7].

Так, Арагат как воплощение прамира не только армянского народа, но и человечества, усиливает миромоделирующее значение армянского текста. Интересно, что для Андрея Битова, как и для Маяковского, *вначале было слово*, и прамир, сотворенный этим словом, был Армения: «Армяне сохранили алфавит неизменным на протяжении полутора тысяч лет. В нем древность, история, крепость и дух нации. До сих пор рукописная буква не расходится у них с печатным знаком, и даже в книгах, в типографском шрифте существует наклон руки писца. Рукопись переходит в книгу, почти не претерпевая графических метаморфоз» [1: 18].

Битовская Армения – мир как текст – моделируется по принципам библейским словом и состоит из звуков, букв, слов армянского языка. Сакрализация экзистенциального пространства писателя через «внутреннее бытие» Армении осуществляется через ее культурные коды, связанные с некими константами национального мироосознания. Ваграм Мартиросян центрирует вокруг армянского языка несколько важных концептов, обозначенных им как предметы «законной гордости» [5: 115] – библейский народ, империя, крестоносцы, диаспора, древний язык, крест-камни. И это концепты исторической памяти, сохраняя которую великий народ, по Битову, преподносит уроки человеку иной культуры.

Иеротопическая модель «армянского текста» в инспирации битовских «уроков» строится посредством *слова*, которое реализует свою миромоделирующую функцию через культурные коды каждой буквы: «Ереван – моя азбука, мой букварь, мой каменный словарик-разговорник. Слева – по-армянски, справа – по-русски. Только слова в беспорядке. Рядом с А – автоматом – Ш – шашлычная. А Б – базар – совсем на другой улице, через несколько страниц.

Я шуршу страницами кварталов, улиц и площадей в поисках Р – редакции, Д – друга, Ж – жилья и П – просто так. Это мой русско-армянский словарь.

Но если бы я знал армянский и мог пользоваться Ереваном как армяно-русским словарем, порядка, конечно, было бы не больше» [1: 18].

Буква перестает быть просто алфавитным знаком, утрачивая формальную эмблематику звука, она становится образно-лингвистическим «аналогом упорядоченного, целостного бытия» (В. Хализев), фиксирующего в смысловых онимах литеры ценностно-национальные координаты армянского мира. Буква не элемент слова, буква есть элемент национального мира. В этом плане особое значение имеет поэзия О. Мандельштама. «Слово» (*блаженное, бессмысленное слово*) как метаконцепт присутствует в лирике поэта в различных коннотациях. Но его миромоделирующая функция несомненна. Достаточно вспомнить строчки стихотворений:

*Я слово позабыл, что я хотел сказать.
Слепая ласточка в чертог теней вернется
На крыльях срезанных, с прозрачными играть.
В беспомощности ночная песнь поется [4: I, 137].*

или

*О, глиняная жизнь! О, умиранье века!
Боюсь, лишь тот поймет тебя,
В ком беспомощная улыбка человека,
Который потерял себя.
Какая боль – искать потерянное слово... [4: I, 110].*

«Колочая речь араратской долины» для Осипа Мандельштама также есть способ сакрализации «внутреннего бытия», культурный код армянского народа, для которого «Любовь к родине состоит из дорогих и сладких ушам слов» [5: 115].

Интересно, что лексема «глиняный» встречается три раза в стихотворении Мандельштама «1 января 1924» и входит в его семантическое ядро. Среди многих значений глины – *семантических* (бренность бытия, хрупкость, греховность жизни человека); *символических* (знак века-времени через метафорику статуи Кроноса, библейский знак связи человека и Бога – «мы глина, а Ты, образователь наш» (Иов.64:8) и т.д.) – важна и соотношенность в ряде этнических традиций, в том числе и армянской, глины с древними ценностно-национальными координатами бытия. Например, в повести-притче «Глиняные буквы, плывущие яблоки» Афлатуни глиняные буквы-образы обеспечивают «мироприемлющее начало»

узбекского (шире – восточного) национального мироздания, которое определяется «уважительно-бережным отношением к живым человеческим душам, к тем феноменам национального бытия, которые обладают неоспоримой ценностью...» [8: 7]. Мы уже отмечали, что «в литературе чаще всего пользуются двумя основаниями для различения культур – это ментальная специфика (например, Восток и Запад) и выявление культурно-исторических эпох» [3: 32].

Отмеченная исследователями [2: 2] онтологическая первооснова «незавершенности» лирического героя Маяковского коренится в сложных инверсивных соотношениях в его сознании уровней «другой» и «чужой», именно «отсюда настойчивый и безнадежный поиск лирическим героем раннего Маяковского высшей инстанции, но такой по определению нет места в его мире – ввиду того, что место Бога занимает творческое Я» [2: 55].

Экзистенциальные и онтологические истоки этой незавершенности – в том самом хрустальном «потерянном рае», который зашифрован в армянских кодах творчества Маяковского. Образы «хрусталика Араратика» как знака устремления человека к «своей» горе, к Богу, к традиции у Маяковского, глиняных букв как элементов сакрального национального алфавита у Сухбата Афлотуни, «глиняного прекрасного рта» как общего знака эпохи *молчания*, символика глиняной статуи Кроноса или Голема как знака века-волкодава у Мандельштама фиксируют в себе экзистенциальные коды национальной памяти, которые, как отмечает Э.Ф. Шафранская [9], встраиваются в общую мифопоэтическую картину современной русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Битов А.* Уроки Армении // Империя в четырех измерениях. III. Кавказский пленник. Харьков: Фолио; Москва: АСТ, 1996. 335 с.
2. *Большухин Л.Ю., Александрова М.А.* Лирический герой Маяковского: феномен «незавершенности». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 239 с.

3. *Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф.* Сравнительное литературоведение. Современные тенденции русской литературной компаративистики. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2022. 125 с.
4. *Мандельштам О.Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1. 808 с.
5. *Мартirosян В.* Это сладкое слово – Армения. Размышления писателя по поводу национальной идентичности // Народы перед зеркалом: Эссе, статьи, очерки. М.: Редакция журнала «Дружба народов»; Культурная революция, 2014. С. 110–118.
6. *Маяковский В.* Пол. Собр. соч.. М.: Худож. лит., 1956. Т. 2. 520 с.
7. *Саверский А.В.* Хрустальный Христос и древняя цивилизация. Книга I. URL: <https://history.wikireading.ru/363312> (дата обращения: 22.06.2023).
8. *Хализев В.Е.* Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 429 с.
9. *Шафранская Э.Ф.* Современная русская проза: Мифопоэтический ракурс. М.: Ленанд, 2015. 216 с.

REFERENCE

1. *Bitov A.* 1996. Uroki Armenii // Imperija v chetyreh izmerenijah. III. Kavkazskij plennik. Har'kov: Folio; Moskva: ACT. 335 p. (In Russ.)
2. *Bol'shuhin L.Ju., Aleksandrova M.A.* 2022. Liricheskij geroy Majakovskogo: fenomen «nezavershennosti». Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki. 239 p. (In Russ.)
3. *Garipova G.T., Shafranskaja Je.F.* 2022. Sravnitel'noe literaturovedenie. Sovremennye tendencii russkoj literaturnoj komparativistiki. Vladimir: Izd-vo VIGU. 125 p. (In Russ.)
4. *Mandel'shtam O.Je.* 2009. Poln. sobr. soch. i pisem: V 3 t. Moscow: Progress-Plejada. T. 1. 808 p. (In Russ.)
5. *Martirosjan V.* 2014. Jeto sladkoe slovo – Armenija. Razmyshlenija pisatelja po povodu nacional'noj identichnosti // Narody pered zerkalom: Jesse, stat'i, ocherki. M.: Redakcija zhurnala «Druzhiba narodov»; Kul'turnaja revoljucija. Pp. 110–118. (In Russ.)
6. *Majakovskij V.* 1956. Pol. Sobr. soch. Moscow: Hudozh. lit. T.2. 520 p. (In Russ.)
7. *Saverskij A.V.* Hrustal'nyj Hristos i drevnjaja civilizacija. Kniga I. URL: <https://history.wikireading.ru/363312> (accessed: 22.06.2023). (In Russ.)
8. *Halizev V.E.* 2005. Cennostnye orientacii russkoj klassiki. Moscow: Gnozis. 429 p. (In Russ.)

9. *Shafranskaja Je.F.* 2015. *Sovremennaja russkaja proza: Mifopojeticheskij rakurs.* Moscow: Lenand. 216 p. (In Russ.)

Վ. Վ. ՄԱՅԱԿՈՎՍԿՈՒ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԾԱԾԿԱԳՐԵՐԸ XX-րդ ԴԱՐԻ ՌՈՒԲ ՎՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԳՈՒԵՉԻԱՅԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Գ. Տ. ԳԱՐԻՊՈՎԱ
ggaripova2017@yandex.ru

**Մոսկվայի քաղաքային մանկավարժական համալսարան
Ռուսաստանի Դաշնություն, Մոսկվա**

Հոդվածում վերլուծվում են Վ. Մայակովսկու ստեղծագործություններում «կորուսյալ դրախտի» կերպարի հիմնական հասկացությունները՝ կապված հայկական ծածկագրերի հետ: Հեղինակը ուսումնասիրում է Մայակովսկու բանաստեղծական «կորած քյուրեղյա դրախտի» աստվածաշնչյան բաղադրիչը XX-րդ դարի ժուս գրականության համատեքստում՝ ամրագրելով էկզիստենցիալ հիշողության նույն կողերը, որոնք ներդրված են ընդհանուր առասպելական պատկերի մեջ: «Կորած դրախտ» պատկերի «քյուրեղյա» և «կավե» ենթատեքստը, որը կազմում է հայկական ավանդույթի հիմքը՝ որպես աստվածաշնչային, կարելի է գտնել Օ.Մանդելշտամի, Ա.Բիտովի, Մուխրատ Աֆլաթունու ստեղծագործություններում: Մատնանշվում է աշխարհի քրոնոտոպիկ տարածությունը աստվածաշնչյան տեղանքներով: Մայակովսկու պոեզիային բնորոշ է Հայաստանը ոչ թե որպես գոյաբանական, այլ որպես սեփական, այլ ոչ ուրիշի «ներքին Հայաստանի» էկզիստենցիալ տարածությունը ընկալելը: Հեղինակը վերլուծում է և հատուկ շեշտադրում է «Արարատ լեռ» առասպելաբանության իմաստային բաղադրիչները՝ հայեցակարգային առումով Նոյան տապանի հասկացություններին առնչվող:

Բանալի բառեր՝ աստվածաշնչյան մարդիկ, ներքին Հայաստան, Արարատ, կորած դրախտ, տապան, Արարատի ոսկեյակ, հայերեն տեքստ, մետահասկացություն Խոսք, Վ. Մայակովսկի, Օ. Մանդելշտամ, Ա. Բիտով, Մուխրատ Աֆլաթունի:

**ARMENIAN CODES IN V. MAYAKOVSKY'S POETRY IN THE CONTEXT OF
RUSSIAN LITERATURE OF THE TWENTIETH CENTURY**

G. T. GARİPOVA

**Moscow City Pedagogical University
Russian Federation, Moscow**

The article analyzes the key concepts of the image of “paradise lost” in the works of V. Mayakovsky, correlated with the Armenian codes. The author explores the biblical component of Mayakovsky's poetic “crystal paradise lost” in the context of Russian literature of the twentieth century, referentially fixing the same existential memory codes that are embedded in the general mythopoetic picture. The “crystal” and “clay” connotations of the “paradise lost” image, which forms the basis of the Armenian tradition as a biblical one, can be traced on the material of the works of O. Mandelstam,

A. Bitov, Sukhbat Aflatuni. The poet marks the chronotopic space of the world with biblical loci. Mayakovsky's poetry is characterized by understanding Armenia not as an ontological, but as an existential space of "inner Armenia" – one's own, but not someone else's. The author places special emphasis on the analysis of the semantic components of the mythologeme "Mount Ararat", conceptually related to the concepts of Noah's Ark.

Key words: *biblical people, inner Armenia, Ararat, paradise lost, ark, lens of Ararat, Armenian text, metaconcept Word, V. Mayakovsky, O. Mandelstam, A. Bitov, Sukhbat Aflatuni.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 27 августа 2023 г., подписана к печати в № 2 (117) 2023 27.10.2023.